

актере Джоне Гилгуде, я открываю "Пост" и узнаю оттуда, что актриса Шеннен Догерти будет сниматься в очередном фильме без нижнего белья. Я читаю "Пост" примерно так же, как алкоголик пьет мускатель — знаю, что в нем нет ничего хорошего, но не могу оторваться. Помимо этого, в "Пост" печатается Фил Мучник, которому среди спортивных комментаторов принадлежит такое же место, как Шекспиру среди драматургов елизаветинской эпохи.

Газетное чтение нужно подкреплять чтением журналов. Советую попробовать "Вашингтон Мансли". Это весьма левое издание, но репортажи там на удивление убедительны. Если пресса кажется вам слишком либеральной, подпишитесь на "Нэшнл Ревью", и вам не потребуются иного противоядия.

Я всегда удивлялся насколько хорошо эта балалайка — современная пресса умудряется играть. В числе других местных газет я читаю "Путнэм Рипортер Диспэтч". Как и все газеты концерна Ганнетта, это не слишком высококобное издание, но сегодня ее номер содержит тридцать восемь страниц отличных материалов. Международный раздел предлагает хорошо подобранные репортажи из самых разных мест — от Боснии до Северной Кореи. В разделе местных новостей я прочел, что конгрессмен Гамильтон Фиш, известный своими правыми взглядами, подвергся критике со стороны другого республиканца за чрезмерный либерализм. Я нашел неплохой политический обзор и оживленный спор двух комментаторов о последних высказываниях Луиса Фарракана, уйму спортивных заметок и мои любимые комиксы. Я решил кроссворд и проработал секцию о бридже, прочел интересную рецензию на новую пьесу Эдварда Олби, получил предупреждение от Энн Лэндерс об опасности хронической усталости и иммунной дисфункции и узнал, на каком масле лучше всего готовить китайские блюда.

Не так уж мало за мои сорок центов.

Майкл Шадсон

КАК ИЗОБРЕЛИ ИНТЕРВЬЮ

Интервью — важнейший инструмент современной журналистики. Работающие в Вашингтоне корреспонденты до такой степени предпочитают этот способ получения информации, что для подготовки большинства сообщений вообще не используют документальных источников. Тем не менее, интервью — изобретение относительно недавнее.

Хотя газетное дело в Америке восходит к концу XVII столетия, вплоть до двадцатых годов прошлого века даже в крупнейших городах редакции ежедневных газет не имели в штате корреспондентов, специализирующихся на местных новостях. Однако уже через десяток лет настало время одноцентовых газет, которые в погоне за прибылью всячески пытались увеличить тираж, и освещение местных событий стало, как в 1847 г. заметила бостонская "Геральд", "одной из главных задач прессы".

Поначалу, однако, это освещение ограничивалось публикацией официальных документов и публичных выступлений. Конечно, газетчикам приходилось общаться с официальными лицами, но в статьях это никогда не упоминалось. В журналистских кругах Вашингтона считалось совершенно недопустимым раскрывать в печати содержание конфиденциальных бесед с политиками и дипломатами. Авраам Линкольн часто беседовал с репортерами, однако ни один из них ни разу прямо не сослался на слова президента.

Историки журналистики пытаются точно датировать первое газетное интервью — одни приписывают его Джеймсу Гордону Беннетту (1836 г.), другие — Хоресу Грилли (1859 г.). Однако имя изобретателя газетного интервью не столь важно в сравнении с тем фактом, что еще в 1860 г.

практика интервьюирования была мало кому известна, а всего через десять лет стала обычным, хотя и не бесспорным инструментом репортера. Новый прием, состоявший в том, что репортер задает вопросы значительному лицу и цитирует ответы со ссылкой на его имя, немедленно подвергся суровой критике. Редактор газеты "Нэйшн" Годкин обозвал интервью скверной махинацией, совместно осуществляемой занудным политиком и газетным репортером. Тем не менее, уже в 1868 г. президент Эндрю Джонсон первым из обитателей Белого Дома дал интервью, а вскоре, как писал в 1879 г. атлантский журналист Генри Грэдн, "эта практика распространилась со скоростью лесного пожара".

Многие ветераны журналистики сочли, что брать интервью ниже их достоинства. В интервьюировании они видели проявление вульгарного американского стиля, "новейшей и к тому же чисто американской инквизиции", как писал тогда корреспондент нью-йоркской "Уорлд". Европейцы отреагировали на новый метод с явным неудовольствием, но зато американцы не скрывали гордости за это новое доказательство своей изобретательности. Редакторы "Уорлд" громко восхваляли своего репортера Томпсона Купера, судя по всему, первого журналиста в мире, получившего интервью у папы римского (это был Пий IX, с которым Купер беседовал в 1871 г.): "Римско-католическая церковь — старейшее учреждение человечества, а газетное интервью — одно из самых юных. И вот теперь они встретились лицом к лицу, представленные Его Святейшеством Пием IX и корреспондентом "Уорлд" Томпсоном Купером. Это было слияние духа церкви и духа нашего времени. Церковь и пресса обменялись поцелуем".

Через десятки лет после того, как новый стиль прочно укоренился в Соединенных Штатах, американские журналисты стали на практике показывать европейским коллегам, что интервьюировать можно и элиту Старого континента. В 1897 г. появилось первое интервью с президентом Фран-

ции, полученное американцем Джеймсом Грилманом. В Англии в годы Первой мировой войны американские корреспонденты помогли изменить к лучшему репутацию жанра интервью. Один из них вспоминал: "Мы видели, как освященная веками надменность английского короля буквально испарилась на чаепитии в Сэндринхеме, устроенном для американских журналистов; нам открылась святая святых британского Военного министерства, устраивавшего еженедельные встречи с репортерами". В 1915 г. газета "Уорлд" опять получила интервью у папы (на этот раз у Бенедикта XV). Для американских журналистов аудиенции в Ватикане были чем-то вроде преддверия встречи с самим Господом Богом — во всяком случае, они безмерно гордились этими беседами. Корреспондент Юнайтед Пресс, который в 1929 г. проинтервьюировал Пия XI, был отнюдь не первым американским журналистом, удостоившимся подобной чести, но агентство не упустило возможность похвастаться тем, что его сотрудник все же стал первым репортером, которого папа принял в своей личной библиотеке.

Для интервьюирования понадобились не только профессиональные приемы, но и особый этикет, причем и то, и другое появилось весьма быстро. Вправе ли репортер в ходе интервью делать заметки? Журналист из Цинциннати Джозеф Маккаллох, взявший вошедшее в историю интервью у президента Эндрю Джонсона, не прикасался к карандашу во время беседы — на следующее утро он два часа вспоминал ее содержание и переносил его на бумагу. Если в начале прошлого века умение стенографировать было предметом профессиональной журналистской гордости, то корреспонденты-интервьюеры точно так же гордились своей памятью. Руководство по журналистике, выпущенное в 1901 г., рекомендовало им делать как можно меньше заметок и никогда не пользоваться стенографией; там говорилось, что "репортеры используют блокноты только в романах и пьесах, но не в реальной жизни". Та же мысль проводи-

лась и в другом руководстве: "Театр приучил нас к мысли, что непременно атрибутом репортера служит толстый кожаный блокнот, куда он увлеченно и лихорадочно заносит сведения обо всех интересных событиях... Но реальные корреспонденты реальных газет не прибегают к записным книжкам. Большинство из них обходится несколькими листами бумаги с подложенной копиркой, тщательно спрятанными во внутреннем кармане пиджака, на которых они записывают имена и адреса и, возможно, цифровые данные".

Газетный репортер Джулиан Ральф заметил, что "карандаш и блокнот в руках репортера часто вызывает напряженность у собеседника, который в обычных условиях говорил бы совершенно свободно". Еще в тридцатых годах нашего века европейских журналистов предупреждали о нежелательности использования блокнотов в ходе интервью. Но уже тогда один осведомленный британец заметил, что американцы куда охотней европейцев "приносят себя в жертву интервьюерам", а последние уже не видят ничего плохого в том, чтобы сразу же записывать содержание беседы (более того, такое внимание к разговору могло даже льстить интервьюируемому).

Мог бы собеседник репортера отказаться от сказанного? Разумеется. Фредерик Вайл вспоминал свое интервью с видным политическим деятелем конца XIX-начала XX века Уильямом Дженнингсом Брайаном, состоявшееся в присутствии его супруги. Миссис Брайан вязала, но неожиданно вмешалась в разговор: "Я бы не стала утверждать это, Уилл". И "Уилл" немедленно взял назад свои слова. Редактор нью-йоркской газеты "Сан" Чарльз Дана взял за правило никогда не печатать интервью без согласия того, у кого оно было взято. "Объекты" интервью, как правило, заранее получали их гранки и могли вносить в них исправления еще до публикации. Исаак Маркоссон получил для нью-йоркского журнала "Мансис" интервью у Вудро Вильсона в 1911 г., когда тот еще был губернатором штата Нью-

Джерси. Закончив работу над текстом, Маркоссон специально приехал из Нью-Йорка в Трентон и лично представил Вильсону корректуру. Эдвард Прайс Белл считал, что согласие собеседника на окончательный вариант интервью является своего рода "знаком качества" текста. Вот что он писал о своих беседах с руководителями Германии, Италии (он интервьюировал Муссолини), Франции и Великобритании: "Я говорил этим государственным мужам, что мы хотим, чтобы беседы с ними обладали непреходящей образовательной ценностью, а потому ждем от них открытости, правдивости и информативности. Я убежден, что они делали все возможное, чтобы пойти мне навстречу". Конечно, чрезмерная доверчивость Белла по отношению к его высокопоставленным источникам легко делала журналиста объектом их манипуляций.

Интервью может стать своего рода сговором репортера и интервьюируемого, направленным против публики. Один из важных моментов такого сговора — сокрытие источника. Известного политика Чанси Дюпои иногда цитировали с указанием имени, а иногда просто как "заслуживающий доверия источник" — эта формула сохранилась до настоящего времени. Обещание репортера хранить в тайне имя интервьюируемого пахнет сделкой с собеседником, особенно если тот пользуется достаточной известностью — иногда таким способом журналисты даже защищают свои "контакты" от их собственных ошибок.

Как-то будущий президент Уильям Ховард Тафт, тогда еще военный министр в администрации Теодора Рузвельта, сильно удивил репортеров, откровенно заговорив с ними о своих разногласиях с президентом по важному делу. "Улыбающийся Тафт спокойно ожидал следующего вопроса, совершенно не понимая, какую бомбу он только что взорвал, — писал корреспондент "Нью-Йорк Таймс" Чарльз Томпсон. — Большинство присутствующих никогда бы не злоупотребили его неосторожностью, но представитель

Херста наверняка напечатал бы слова Тафта на первой странице под аршинным заголовком". Поэтому корреспондент Ассошиэтед Пресс Артур Данн тут же заявил Тафту, что его высказывание безусловно будет обнародовано, если только сам министр тут же не попросит репортеров хранить его в секрете. "Мы настоятельно вам советуем, — сказал Данн, — связать нас обязательством о неразглашении. Выражаю ли я общее мнение, джентльмены?" — и все тут же согласились. Позднее херстовский репортер упрекнул своего коллегу из АП: "Данн, ну почему вы так ненавидите выгръшные материалы?".

Десятилетием позже, через несколько месяцев после начала Первой мировой войны, Карл фон Виганд добился интервью у германского наследного принца Фридриха Вильгельма. Кронпринц попросил Виганда передать кайзеру, своему отцу, что, по его мнению, Германия фактически уже проиграла войну — сам он на это не мог осмелиться. Фон Виганд, разделявший точку зрения большинства на военные события, решил держать язык за зубами. На прощанье принц ему сказал: "Я вам доверился, и прошу не публиковать ничего такого, что добавило бы мне неприятностей".

Элеонора Рузвельт была окружена преданными журналистками, защищавшими ее от ложных шагов. В 1933 г., перед самым вступлением в должность президента Рузвельта, будущая первая леди сообщила четырем корреспонденткам, что ее муж отказался подписать совместное заявление с Гербертом Гувером о закрытии банков накануне инаугурации. Журналистки отказались напечатать эти сведения, объяснив миссис Рузвельт, что они могут вызвать всемирную панику. Одна из них через много лет вспоминала, что "женщины всегда покрывали миссис Рузвельт, нередко говорившую вещи, которые ни в коем случае нельзя было делать достоянием гласности".

В конце XIX века, когда еще не наступило время

беспристрастной прессы, политики обычно говорили только с репортерами поддерживавших их газет. Часто интервью было всего лишь саморекламой. При всем этом искусство брать интервью с самого начала вызывало восхищение как свидетельство отваги и изобретательности репортера, как умение, достойное настоящего мужчины. В 1870-е годы нью-йоркский репортер Джозеф Кларк добился беседы с кардиналом Мак-Клоски. Он подробно расспрашивал кардинала, как идет строительство собора святого Патрика, постоянно делая пометки в блокноте. Закрыв блокнот, Кларк как бы между делом спросил Мак-Клоски о событиях в Европе, откуда тот только что вернулся. В статье Кларка, опубликованной в "Геральд", фигурировали только взгляды кардинала на европейские дела, а о соборе почти не упоминалось.

Интервью вошли в моду одновременно с возвышением самой репортерской профессии. Журналисты, которые уже обрели относительную независимость, начали осознавать себя членами одного клана. Если раньше репортеры чувствовали лояльность только к хозяевам своих газет, то в конце прошлого столетия они стали ощущать и профессиональное единство. Эта же тенденция к профессионализации повлияла и на стилистику газетных материалов. Если раньше можно было строить репортаж как светское письмо редактору ("Небо голубело и воздух был чист, когда я нынешним утром вышел из Капитолия..."), то теперь пришел черед безличных сообщений, адресованных читателю ("Сегодня конгрессмен Джонс выступил с важнейшей бюджетной инициативой..."). Простое перечисление новостей в хронологическом порядке уступило место структурированному и аннотированному изложению, вынуждавшему репортеров распределять новости по степени важности. Журналисты стали меньше пересказывать документы и сообщения и больше их объяснять и интерпретировать. Все эти нововведения, включая и интервью,

расширили самостоятельность и ответственность журналистов и сделали их более известными широкой публике, иногда даже знаменитыми. И что очень важно, интервьюер с обширными связями самим своим успехом показывает — и публике, и собственным редакторам, и всей журналистской братии, и своим потенциальным источникам — что не только умеет говорить правду влиятельным персонам, но и действительно вхож в коридоры власти.

Постепенно интервьюирование стало не только способом подготовки самостоятельных статей, но и самой ходовой техникой получения сведений для большинства новостных материалов. Возникнув в необычно демократической американской культуре середины XIX столетия, оно развилось до такой степени, что сделалось новым механизмом общественного наблюдения за обладателями власти и влияния. Этот механизм, лучше всего работающий именно в демократическом обществе, прочно закрепился уже к тридцатым годам. В то же время интервьюирование и до сих пор не избавилось от изначально заложенных в него противоречий — таких, например, как уязвимость репортера по отношению к его источнику, уязвимость источника по отношению к репортеру, и уязвимость публики по отношению к ним обоим.

Стивен Бейтс

ОБ ОДНОЙ ПОПЫТКЕ ИЗБАВИТЬ ПРЕССУ ОТ НЕДОСТАТКОВ

В 1942 г., на заседании редакционного совета Британской Энциклопедии, главный редактор журнала "Тайм" Генри Люс передал записку видному университетскому администратору Роберту Хатчинсу. Люса интересовало, где он может побольше узнать о свободе печати, и к чему этот принцип обязывает лично его. Хатчинс не смог сказать ничего определенного. Люс проявил настойчивость и спросил Хатчинса, не смог бы тот организовать комитет экспертов, который займется анализом прав и обязанностей прессы. "Если вы добудете деньги, — ответил Хатчинс, — я это устрою".

Подобно Люсу, в двадцатичетырехлетнем возрасте ставшему одним из основателей журнала "Тайм", Хатчинс был известен своими ранними достижениями. В двадцать восемь лет он возглавил юридический факультет Йельского университета, а в тридцать стал президентом Чикагского университета. Были у них и другие общие черты: неуемный интеллект, пристрастие к неортодоксальным идеям и трезвая уверенность в себе, позволяющая осуществлять их на практике. "Есть два пути к созданию первоклассного университета — у него должна быть либо превосходная футбольная команда, либо сильный президент", — заявил Хатчинс в 1939 г., и... упразднил чикагскую футбольную программу.

Хатчинс привлек к изучению американской прессы нескольких интеллектуальных светил, например, теолога Рейнхольда Нибура и поэта (а в то время — еще и директора Библиотеки Конгресса) Арчибальда Маклиша. За